ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ГОНЩИК ИМПЕРИИ

Ярослав Северцев

Гонщик Империи

«Автор»
2026

Северцев Я.

Гонщик Империи / Я. Северцев — «Автор», 2026

Макс Корвин знал о скорости всё — пока лопнувшая шина в легендарной «Параболике» Монцы не отправила его прямиком на тот свет. Но вместо тишины он очнулся в теле Кайлена Вейна: забитого, тощего курсанта Имперской летной академии будущего, где люди разучились управлять машинами.В этом мире за пилотов думают алгоритмы, а ручное управление считается самоубийством. Вот только бездушные киборги, пришедшие с края галактики вырезать человечество, просчитывают любую электронику на три шага вперед.

© Северцев Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГОНЩИК ИМПЕРИИ 5
Глава 1. Отсечка 6
Глава 2. Железный конвой 15
Глава 3. Слепая зона 17
Глава 4. Зелёный ад 19
Глава 5. Небесное железо 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ярослав Северцев
Гонщик Империи

ГОНЩИК ИМПЕРИИ
Книга первая. Без автопилота
Аннотация

Я разбился на скорости триста сорок километров в час, а очнулся в теле курсанта-неудачника, которого презирает вся лётная академия.

И всё бы ничего: мне снова восемнадцать, вокруг технологии, о которых на Земле даже не мечтали, а вместо гоночного болида — настоящий космический истребитель.

Живи да радуйся! А потом над академией появились чужие корабли. Тогда-то и выяснилось, что за двести лет мира даже военные пилоты разучились летать самостоятельно. За них всё делают бортовые компьютеры. А враг просчитывает каждый их манёвр ещё до того, как они успевают его совершить.

Но я привык гонять на пределе. Рисковать жизнью ради победы. И жать на газ там, где остальные давят на тормоз.

И, похоже, я — единственный идиот во всей Империи, способный остановить вторжение.

Ну что, господа киборги? Погоняем?

Глава 1. Отсечка

Рёв двигателя на прямой бьёт прямо в основание черепа, даже сквозь шлем и наушники.

Триста сорок километров в час.

Пальцы на руле впились в замшевую оплётку. Под огнеупорными перчатками ладони мокрые от пота. Впереди — «Параболика». Последний поворот в Монце. Промахнись с точкой торможения хотя бы на полтора метра — и можно забыть о победе.

— Давление в переднем левом падает, Макс! — голос гоночного инженера в наушниках срывается на крик. — Сбрасывай, заходи в боксы! Не рискуй!

— Пошёл к чёрту, это последний круг! — ору я в микрофон.

В зеркалах заднего вида, размером со спичечный коробок, маячит красный нос болида соперника. Пять десятых секунды. Всего полсекунды преимущества. До первого в жизни чемпионского титула остались один поворот и финишная прямая.

Чёрт с ней, с резиной. Она выдержит. Должна выдержать.

Нога бьёт по педали тормоза. Перегрузка почти в четыре G швыряет тело вперёд, ремни врезаются в ключицы, выдавливая воздух из лёгких. Я чувствую, как левое переднее колесо начинает предательски вибрировать. Руль бьёт мелкой, злой дрожью.

«Только не сейчас. Сука, только не сейчас...»

Хлопок.

Не взрыв, нет. Просто глухой, мерзкий шлепок лопнувшей покрышки. Руль дёргается так, что едва не выворачивает запястья. Нос болида клюёт влево, заднюю ось срывает, и перед глазами мелькают синее небо, чёрный асфальт зоны вылета и защитные ограждения.

Я не закрываю глаза. Руки сами выкручивают руль в сторону заноса, пытаясь поймать машину. Но я уже понимаю: всё, приехали. Скорость двести восемьдесят. До ограждения сорок метров.

Удар.

Сначала хрустит карбон. Треск такой, словно ломают охапку сухих веток. Потом приходит темнота. Без боли и без мыслей. Просто выключатель щёлкнул в положение «ноль».

Запах. Первым вернулся именно он.

Никакого жжёного масла, раскалённой резины или едкого запаха огнетушащего состава. Пахло озоном, дешёвым антисептиком и чем-то кислым, похожим на протухший капустный рассол.

Я дёрнулся, пытаясь вдохнуть, и тут же закашлялся, выплёвывая из горла вязкую, холодную слизь.

— О, живой! Смотри-ка, бледный, а живучий!

Голос раздался откуда-то сверху, гулкий, с противным металлическим призвуком, будто говорили в пустое ведро. Я с трудом разлепил веки. В глаза ударил мертвенно-белый свет потолочных ламп.

Надо мной склонились двое. На обоих — странные комбинезоны цвета мокрого асфальта со светящимися полосками на плечах. Тот, что повыше, с узким крысиным лицом и жидкими белёсыми бровями, скалился, глядя на меня. Второй — коренастый, почти без шеи — держал в руках планшет с прозрачным экраном.

— Какого хрена... — прохрипел я. Голос был чужой. Выше, тоньше, с какой-то дурацкой хрипотцой. — Где маршалы? Что с машиной?

— С какой машиной, придурок? — крысолицый хохотнул и ткнул меня пальцем в грудь. Больно, будто железным прутом. — Ты в капсуле симулятора сдох чуть не по-настоящему, Вейн! Нейрошунт перегрел, идиот. Врачи сказали, ещё бы две минуты, и твои мозги в кисель превратились бы.

Я посмотрел на свои руки.

Узкие запястья. Тонкие, длинные пальцы без единой мозоли от руля. Кожа бледная, почти прозрачная, сквозь неё просвечивают синие жилки. Никаких шрамов от ожогов на левом предплечье, которые я заработал ещё в картинге.

— Что за цирк... — выдохнул я, приподнимаясь на локтях.

Помещение напоминало не госпиталь и не паддок. Серые металлические стены без единого окна, ряды каких-то стеклянных саркофагов, оплетённых толстыми пучками проводов. Рядом с моей кушеткой стояла раскрытая капсула симулятора. В углу мигала голограмма — вращающийся золотой орёл с тремя головами, под которым горела надпись на незнакомом, но почему-то понятном языке: «Имперская лётная академия сектора Орион. Взвод 404».

В висок внезапно вонзилась раскалённая спица. Я зашипел, схватившись за голову, и перед глазами поплыли чужие картинки.

Шумный мегаполис под стеклянным куполом. Худой, вечно сутулый парень по имени Кайлен Вейн. Сын мелкого клерка из архивного департамента, попавший в академию по квоте для бедных. Посмешище всего курса. Тот самый парень, который умудрился завалить даже базовый тест на автоматическую посадку, потому что у него тряслись руки.

Воспоминания ложились поверх моих собственных, как второй слой краски. Макс Корвин, двукратный вице-чемпион мира, разбившийся в Монце, и Кайлен Вейн, восемнадцатилетний курсант-неудачник, не переживший сбоя нейрошунта во время учебной симуляции.

— Эй, Вейн, ты оглох? — коренастый шагнул ближе, заслоняя свет. Его звали Грог. Тупой, как пробка, но с кулаками размером с дыню и связями в штабе. — Я спрашиваю, ты когда долг отдавать собираешься? Пятьсот кредитов. Срок вышел вчера.

Я медленно сел на краю жёсткой медицинской кушетки. Голова гудела, но паника, которая по идее должна была накрыть любого нормального человека на моём месте, почему-то не приходила. Вместо неё включился тот самый холодный режим, в который я переходил каждый раз, когда гасли красные огни светофора на стартовой решётке.

Пульс — сто десять. Дыхание ровное. Оценка обстановки.

Передо мной два ублюдка. Один — шакал, второй — бык. Тело у меня сейчас дохлое, как у цыплёнка. В драку лезть бессмысленно. Зато мозги на месте.

— Слышь, Грог, — я посмотрел ему прямо в переносицу, не мигая. — А тебе не кажется, что ты слишком близко стоишь? От тебя псиной несёт.

Крысолицый — его звали Спарк — аж поперхнулся от такой наглости. Грог на секунду застыл. Судя по их лицам, прежний Кайлен никогда не позволял себе разговаривать с ними подобным образом.

— Ты чё сказал, падаль? — прорычал Грог, сжимая кулаки. — Я тебе сейчас челюсть в трусы высыплю!

Он замахнулся. Медленно. Сначала отвёл плечо, потом перенёс вес на правую ногу. В автоспорте за такую реакцию тебя бы выгнали ещё на этапе отбора в картинг. Я успел заметить движение ещё до того, как кулак полетел мне в лицо.

Я не стал блокировать. Качнул корпус влево, пропуская удар мимо уха. Новое тело двигалось медленнее, чем я рассчитывал, но Грог всё равно промахнулся. Я тут же со всей дури ударил носком тяжёлого армейского ботинка сбоку под его колено.

Нога у Грога подломилась. Он взвыл и рухнул на колени, хватаясь за неё.

— Сука! Нога! Ты чё сделал, тварь?!

Спарк дёрнулся ко мне, но я уже стоял на ногах, перехватив со столика тяжёлый металлический лоток для инструментов.

— Шаг сделаешь — раскрою череп, — тихо сказал я. Без крика, без истерики. Так обычно говорят механику, который забыл закрутить гайку на колесе. — И передай всем остальным:

Кайлен Вейн сдох в той капсуле. Теперь здесь я. И если кто-то ещё раз сунется ко мне за деньгами, которых я не занимал, я ему глаза выдавлю. Понял?

Спарк сглотнул, попятился назад, зацепился пяткой за провод и грохнулся на задницу.

— П-понял... Вейн, ты чё, с катушек слетел? У нас через десять минут лётная практика! Инструктор Кроу нас всех в порошок сотрёт!

— Вот и отлично. — Я бросил лоток обратно на столик. — Пошли летать.

До ангара было всего несколько минут ходьбы. Но у выхода из медотсека нас остановил дежурный медик. Он ещё раз провёл сканером вдоль моего затылка, сверился с планшетом и буркнул:

— Нейрошунт в норме. Последствий перегрева не обнаружено. К полётам допущен.

Голова у меня всё ещё гудела, но спорить я не собирался.

Спарк всю дорогу молчал и старался не встречаться со мной взглядом. Грог нагнал нас у входа в ангар, заметно прихрамывая. Судя по его лицу, колено всё ещё болело, но опоздать на практику он боялся.

Ангар напоминал собор, построенный сумасшедшим технократом. Под высоким сводом, теряющимся в синеватой дымке, висели три десятка истребителей класса «Стриж».

Я смотрел на них и не мог сдержать кривой ухмылки. Это были не боевые машины, а летающие гробы, набитые электроникой под самую завязку. Обтекаемые, зализанные корпуса без единого острого угла, матовые серые панели. И ни одного нормального иллюминатора — только глухой бронеколпак.

— Стройся, личинки! — рявкнул голос, от которого захотелось вытянуться по струнке даже мне.

Инструктор Маркус Кроу выглядел так, словно его вырезали из куска старого дуба и забыли покрыть лаком. Седой ёжик волос, длинный шрам от левой брови до воротника кителя и ледяные серые глаза, в которых не было ни капли сочувствия. Правый рукав его формы был пуст и аккуратно заколот у плеча.

— Сегодня «Мясорубка»! Отрабатываем манёвр уклонения в астероидном поясе! — Кроу прохаживался вдоль строя, заложив единственную руку за спину. — Напоминаю для особо одарённых: ваша задача — не мешать бортовому искину. Вы — операторы. Вы задаёте вектор, система просчитывает траекторию, корректирует тягу и выводит машину из-под удара. Тот, кто попытается перейти на ручное управление без приказа, отправится чистить гальюны до конца срока обучения. Вопросы?

Тишина. Курсанты стояли, вытянувшись, глядя строго перед собой. На их лицах застыло выражение тупой покорности. Они не хотели летать. Они хотели нажимать кнопки и получать за это жалованье.

Я поднял руку.

Кроу остановился. Повернул голову. Его взгляд упёрся в меня.

— Курсант Вейн. Я думал, ты ещё в медотсеке слюни пускаешь. Что тебе?

— Вопрос, господин инструктор. Если искин такой умный, нахрена тогда в кабине мы? Посадите туда мешок с картошкой — результат будет тот же.

По строю прошёл сдавленный смешок, который тут же оборвался под тяжёлым взглядом Кроу.

Инструктор подошёл ко мне вплотную. От него пахло крепким табаком и оружейной смазкой.

— Мешок с картошкой, Вейн, не умеет нести ответственность за провал задания, — тихо произнёс он, глядя мне прямо в глаза. — А ещё мешок с картошкой не умеет умирать за Империю. Хочешь проверить, кто умнее — ты или нейросеть «Стрижа»?

— Хочу.

— Прекрасно. По машинам! Вейн, ты идёшь в третьем звене. Посмотрим, на сколько секунд тебя хватит без автопилота.

Кабина «Стрижа» оказалась тесной, как кокпит болида. Только вместо привычного штурвала-бабочки с кучей крутилок передо мной торчали две уродливые рукоятки, больше похожие на джойстики от старой игровой приставки, а вместо лобового стекла светился панорамный голоэкран.

К счастью, память Кайлена подсказала, какая рукоять за что отвечает. По крайней мере, с управлением разбираться с нуля не придётся.

Я надел шлем. Нейроинтерфейс мягко щёлкнул на затылке, и в голове сразу зазвучал ровный, бесстрастный женский голос бортового компьютера:

«Синхронизация завершена. Пилот: курсант Кайлен Вейн. Уровень допуска: минимальный. Рекомендуемый режим: полное автоматическое пилотирование».

— Отключить автопилот, — сказал я, пристёгивая ремни.

«Ошибка. Ручное управление разрешено только в нештатных ситуациях или по коду инструктора».

— Код подтверждения: Ноль-Семь-Альфа-Кроу, — раздался в наушниках хриплый голос инструктора. — Давай, герой. Покажи класс. Только учти: если разобьёшь машину, твои внуки будут выплачивать кредит за обшивку.

«Режим ручного управления активирован. Внимание: система стабилизации отключена. Помощь в прицеливании отключена».

Экран передо мной моргнул, и привычные зелёные коридоры безопасных траекторий исчезли. Остался только космос, россыпь далёких звёзд и вращающиеся впереди глыбы учебного полигона — огромные бетонные валуны, выведенные на орбиту спутника.

— Пошёл! — скомандовал Кроу.

Двадцать истребителей рванули вперёд. Остальные курсанты шли ровным, красивым строем, словно гуси на перелёте. Их машины двигались синхронно, плавно огибая препятствия по идеальным математическим дугам.

Я же двинул сектор газа до упора.

Перегрузка вжала меня в кресло. Тело Кайлена свело, в глазах потемнело, мышцы болезненно напряглись, но я только сжал зубы. В Монце на торможении давило гораздо сильнее.

Правда, тогда у меня было другое тело.

«Стриж» ревел, как раненый зверь. Машина была тяжёлой, инертной, с отвратительной развесовкой — сразу чувствовалось, что конструкторы делали её для компьютеров, а не для людей. После резкого разворота истребитель продолжал скользить боком по прежней траектории. Компьютер тут же погасил бы это скольжение маневровыми двигателями.

А я не стал. Я использовал этот занос.

Впереди вырос огромный астероид, размером с пятиэтажный дом. Бортовой искин тут же запищал тонким, противным звуком:

«Внимание! Столкновение неизбежно! Вероятность выживания при ручном манёвре: четыре процента! Рекомендую экстренное торможение!»

— Заткнись, железка!

Я резко дёрнул левую рукоять на себя, одновременно давая полную тягу на правый маневровый двигатель. Истребитель швырнуло боком. Меня бросило на ремни так, что чуть не треснули рёбра, но «Стриж» прошёл в каком-то метре от шершавой поверхности камня.

На голоэкране скала метнулась мимо. Ещё чуть-чуть — и нас размазало бы по ней.

— Вейн, мать твою, ты что творишь?! — заорал в эфире Спарк, чей истребитель шёл чуть позади. — Ты меня чуть не снёс!

Я не ответил. Впереди открылся узкий проход между двумя вращающимися глыбами. Компьютер любого другого пилота в этом месте сбросил бы скорость до минимума, чтобы протиснуться аккуратно. Это потеря шести секунд. На трассе шесть секунд — целая вечность.

Я врубил форсаж.

Время будто замедлилось. Я видел каждую трещину на камне. Видел, как поворачивается левая глыба, открывая щель шириной всего на пару метров больше размаха крыльев «Стрижа».

Руки двигались сами. Никаких расчётов, никаких формул. Только чистое, животное чувство габаритов машины и скорости. Левый крен на сорок пять градусов, короткий импульс носовыми дюзами, чтобы погасить рыскание, и сразу — полный газ.

Истребитель проскочил в щель. По обе стороны от крыльев оставалось меньше метра свободного пространства.

На выходе из пояса я развернул «Стриж» носом против движения, коротко ударил тягой, гася скорость, и замер у финишной отметки за целых сорок секунд до того, как из астероидов вынырнул лидер группы — тот самый самодовольный Грог, которого вёл на поводке его хвалёный искин.

В эфире повисла гробовая тишина. Было слышно только, как тяжело дышит кто-то в микрофон.

Потом щёлкнула связь.

— Курсант Вейн, — голос Кроу звучал странно. В нём не было привычной злости. — После посадки — ко мне в кабинет. Бегом.

Я загнал «Стриж» обратно в ангар и только там снял шлем, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Сердце колотилось где-то в горле, руки мелко дрожали от выброса адреналина, но на губах сама собой растянулась улыбка.

Кажется, этот мир не такой уж и скучный.

После посадки я сразу отправился к Кроу, но инструктор заставил меня прождать почти час. Из-за закрытой двери доносились обрывки переговоров по связи. Когда он наконец впустил меня, в академии уже прозвучал отбой.

Кабинет инструктора Кроу напоминал музей старого железа. Вместо модных голографических панелей на стенах висели настоящие бумажные карты звёздных систем, пожелтевшие от времени фотографии старых крейсеров и даже револьвер в потёртой кобуре. Судя по состоянию, вполне рабочий.

Я стоял перед его столом, заложив руки за спину. Кроу сидел в кресле, крутя в пальцах единственной руки тяжёлую металлическую зажигалку.

— Двадцать лет я учу этих сопляков летать, Вейн, — тихо начал он, не поднимая глаз. — Двадцать лет. И знаешь, что самое страшное? Они не боятся высоты. Они не боятся скорости. Они вообще ничего не боятся, потому что за них думает кусок кремния в приборной панели.

Он резко поднял голову. Его серые глаза буравили меня насквозь.

— Вчера ты был самым жалким ничтожеством на курсе. Твои показатели нейроактивности были ниже, чем у лабораторной крысы. Сегодня ты прошёл «Мясорубку» на ручном управлении за время, которое не снилось даже асам Имперского флота. Как?

Я пожал плечами.

— Просто нажал на газ, господин инструктор. Ваша электроника слишком трусливая. Она считает вероятности, а в гонке... в бою, то есть, пока всё просчитаешь, уже поздно. Надо ехать.

— В гонке? — Кроу прищурился. — Интересное слово. Откуда ты его знаешь? Автоспорт запретили ещё триста лет назад, когда люди окончательно пересели на гравиплатформы с автопилотом. Слишком опасно, видите ли.

— В старых архивах отца вычитал, — соврал я, не моргнув глазом. Благо память Кайлена подсказывала, что его папаша действительно копался в древних базах данных.

Кроу усмехнулся. Усмешка вышла кривой, злой.

— В старых архивах, значит... Ладно, плевать мне, откуда у тебя такие рефлексы. Хоть с того света их притащил.

Он нажал кнопку на столе. Перед ним вспыхнула красная надпись: «СЕКРЕТНО. ДОПУСК КОМАНДНОГО СОСТАВА».

— Это мне вообще положено видеть? — спросил я.

— Нет, — отрезал Кроу и ввёл код доступа. — Поэтому держи язык за зубами.

Надпись исчезла. В воздухе между нами вспыхнула объёмная карта сектора Орион. На самом краю, там, где заканчивались зелёные линии торговых путей и начиналась чёрная пустота, мигали три красные точки.

— Три дня назад мы потеряли связь с пограничным постом «Аванпост-9». — Голос Кроу стал жёстче. — Вчера туда отправили разведывательный крейсер. Успел передать только один обрывок видеозаписи, прежде чем его разнесли в пыль. Смотри.

Карта сменилась мутной, дёргающейся картинкой. Чёрный космос. И на его фоне — силуэты кораблей. Они не были похожи на округлые, аккуратные суда Империи. Угловатые корпуса, шипы, какие-то наросты. Гигантские металлические насекомые.

Один из кораблей развернулся к камере. Из его носовой части ударил тонкий, ослепительно-фиолетовый луч. Никакого взрыва — крейсер просто разрезало пополам, словно раскалённым ножом.

Запись оборвалась.

Кроу вывел на экран другой кадр — крупное изображение того, кто сидел в кабине вражеского перехватчика.

Я невольно подался вперёд.

Это было нечто среднее между человеком и машиной. Вместо лица — гладкая чёрная маска с тремя горящими красными точками-сенсорами. Из затылка прямо в борт корабля уходили толстые биомеханические кабели, пульсирующие синим светом. Оно не нажимало на кнопки. Оно само было частью машины.

— Искины флота просчитали вероятность победы при столкновении с этими тварями, — тихо сказал Кроу, выключая проектор. — Знаешь, какую цифру выдал центральный процессор? Ноль целых, три сотых процента. Они быстрее наших алгоритмов. Они просчитывают наши манёвры ещё до того, как бортовой компьютер успеет подать команду на двигатели.

— Значит, надо перестать использовать алгоритмы, — сказал я.

Кроу посмотрел на меня так, словно я только что предложил сбить крейсер рогаткой.

— Теперь понимаешь, зачем я дал тебе код на ручное управление?

Я посмотрел на погасший проектор.

— Хотели проверить, способен ли человек обойтись без искина?

— За двадцать лет ни один курсант не решился лететь без автопилота. А ты сам напросился. Вот я и решил рискнуть.

— А если бы я разбился?

— Отвечал бы я. И за машину, и за тебя.

Кроу щёлкнул зажигалкой, но закуривать не стал.

— Ты псих, Вейн. Но, похоже, именно такие психи нам сейчас и нужны. Завтра переводишься в экспериментальную группу. Покажешь этим олухам, как летать руками. Если успеешь.

— А если не успею?

Инструктор тяжело вздохнул.

— Тогда через месяц от Земли останется только радиоактивный пепел. Если нам повезёт — продержимся чуть дольше. Свободен, курсант. Иди спать. Завтра будет ад.

Спать не хотелось. В голове крутились схемы, траектории, обрывки чужой памяти и всё, что я только что увидел.

Я вышел из административного корпуса и направился в жилой блок. После отбоя коридоры опустели. Только тусклые дежурные лампы отбрасывали длинные тени на металлический пол.

Завернув за угол, я наткнулся на девушку. Она сидела прямо на полу, прислонившись спиной к стене, и сосредоточенно ковырялась отвёрткой в каком-то разобранном планшете. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, выбились прядями, на носу — россыпь веснушек, а комбинезон перепачкан чем-то чёрным.

Услышав шаги, она вскинула голову. Зелёные глаза сверкнули в полумраке.

— О, великий и ужасный Кайлен Вейн собственной персоной, — протянула она с лёгкой насмешкой. Голос у неё был приятный, с хрипотцой. — Слышала, ты сегодня чуть не угробил «Стрижа» и довёл Грога до истерики. Он в казарме до сих пор орёт, что у него нога отваливается.

Я остановился, сунув руки в карманы. Память Кайлена услужливо подсказала имя: Лира Вэнс. Лучший техник на потоке, девчонка с характером, которая ненавидела местных мажоров ещё сильнее, чем я.

— Он первый начал, — ответил я, прислоняясь к противоположной стене. — А «Стриж» даже не поцарапался.

— Ага, расскажи это датчикам перегрузки. — Лира хмыкнула и щёлкнула корпусом планшета, закрывая его. — Я их после твоего полёта проверяла. Корпус выдержал только чудом. Ещё один такой рывок — и у тебя бы левое крыло оторвало к чертям.

— Но не оторвало же.

Она посмотрела на меня внимательнее, прищурив один глаз.

— Знаешь, Вейн, раньше ты боялся собственной тени. Ходил, втянув голову в плечи, и извинялся, даже если на тебя наступали. А сейчас стоишь так, будто весь этот чёртов космодром купил. Что с тобой в капсуле случилось?

Я усмехнулся.

— Мозги на место встали. Слушай, Лира, ты ведь в железе разбираешься лучше местных профессоров?

— Ну, допустим. — Она насторожилась. — А тебе-то что?

— Мне нужно кое-что переделать в моём «Стриже». Убрать к чёртовой матери ограничители тяги, перенастроить отклик рулей, чтобы они реагировали на миллиметр движения, а не ждали, пока компьютер подумает. И отключить автоматику, которая сглаживает каждый резкий манёвр.

Лира медленно поднялась с пола, отряхивая штаны. Подошла ко мне ближе, заглядывая в лицо.

— Ты совсем сбрендил? Без ограничителей тебя на первом же развороте размажет по креслу! А если система компенсации перегрузок не успеет за твоими выкрутасами, кровь из ушей пойдёт!

— Зато я смогу развернуться быстрее, чем вражеский прицел успеет навестись, — тихо сказал я.

Она замерла. Зелёные глаза расширились.

— Вражеский? Ты о чём, Вейн? Какие враги? У нас мир уже двести лет!

В этот момент потолок над нами вздрогнул.

Глухой, тяжёлый удар прокатился по всему зданию. Лампы мигнули и погасли. Через секунду включилось аварийное красное освещение, и по коридорам завыла сирена тревоги.

Из динамиков под потолком раздался искажённый помехами, срывающийся голос дежурного по академии:

— Боевая тревога! Всему личному составу немедленно занять боевые посты! Орбитальная оборона прорвана! Повторяю: орбитальная оборона прорвана! Неизвестный противник входит в атмосферу!

Лира побледнела. На белом лице веснушки стали особенно заметны.

Я же только криво усмехнулся, чувствуя, как сердце забилось быстрее. Тот же азарт, что перед стартом. Только теперь ставки были совсем другие.

— Вот об этих врагах я и говорил, рыжая. Беги в ангар. Будем снимать ограничители с моего «Стрижа». Прямо сейчас.

Из жилого блока до ангара мы неслись под вой сирен. Лира больше не спрашивала, откуда я узнал о врагах. После объявления боевой тревоги ей было не до вопросов.

Ангар превратился в муравейник, в который сунули раскалённую кочергу.

Курсанты бежали, сталкиваясь друг с другом, крича, роняя шлемы. Офицеры пытались навести порядок, но их голоса тонули в рёве сирен и грохоте очередных разрывов где-то снаружи. Купол космодрома ещё держался, но по его прозрачным панелям уже ползли синие молнии перегруженных защитных полей.

Мы с Лирой добрались до третьего сектора за две минуты. Мой «Стриж» стоял у самого края, возле технических ворот.

— Давай, открывай сервисный люк! — крикнул я, уже запрыгивая на стремянку, чтобы забраться в кабину.

— Ты идиот, Вейн! — орала Лира, таща за собой тяжёлый ящик с инструментами. — Нас же всех перебьют! Это не учения! Слышишь, как бахает?! Это орбитальные орудия работают!

— Слышу! Поэтому шевелись!

Лира откинула крышку сервисного люка, подключила диагностический планшет и принялась переключать настройки двигателей. Я забрался в кресло и запустил бортовые системы. Над головой снова грохнуло, на этот раз совсем близко.

Сверху донёсся страшный, скрежещущий звук — словно гигантским консервным ножом вскрывали жестяную банку. Защитный купол не выдержал. Огромные куски армированного стекла посыпались вниз, впиваясь в бетон пола и круша припаркованные машины.

В пролом тут же нырнули они.

Три чёрных, угловатых силуэта. Они двигались с пугающей, неестественной грацией — резко меняя траекторию под прямым углом, почти без видимого торможения. Из-под их крыльев ударили фиолетовые лучи.

Один из ангаров напротив вспыхнул, как спичка. Взрывная волна швырнула меня на приборную панель. Я больно ударился скулой о край экрана, во рту появился солоноватый вкус крови.

— Готово! — заорала Лира снизу, захлопывая люк. Её лицо было перемазано сажей, но глаза горели бешеным огнём. — Ограничители сняты! Движки на прямой подаче! Не сдохни там, придурок!

— Не дождёшься!

Я захлопнул бронеколпак. В кабине сразу стало тихо, только гудели разогревающиеся двигатели.

Бортовой компьютер тут же принялся предупреждать о критической нагрузке на реактор, но я отключил голосовые сообщения. Тишина. Только я и машина.

Рядом, в соседнем боксе, уже взлетал «Стриж» Грога. Его вёл автопилот — плавно, красиво, строго по инструкции. Он вылетел из ангара и тут же, не успев даже набрать высоту, получил прямой удар фиолетовым лучом в кабину. Истребитель разлетелся на миллион мелких осколков, даже не успев взорваться.

Ещё несколько часов назад этот ублюдок грозился выбить мне челюсть. А теперь от него даже тела не осталось.

— Вот так работает ваша математика, — процедил я сквозь зубы.

Я двинул сектор тяги до упора. «Стриж» дёрнулся вперёд, словно спущенный с цепи питбуль.

Никакого плавного взлёта. Я вылетел из ангара на брюхе, чиркнув днищем по бетону так, что сзади потянулся сноп искр, и сразу задрал нос вертикально вверх, врубая форсаж на полную.

Перегрузка вдавила меня в кресло. В глазах потемнело, но я продолжал тянуть рукоять на себя. Тройка чёрных перехватчиков уже заходила на второй круг, собираясь добить выживших на земле.

Они меня заметили. Один из них мгновенно отделился от группы и рванул навстречу. Скорость сближения — бешеная. В лобовой атаке у меня не было ни единого шанса: его пушки били дальше и точнее.

Компьютер на моём месте сейчас начал бы уклоняться влево или вправо, просчитывая траекторию луча. И сдох бы через две секунды.

А я не стал уклоняться. Я пошёл прямо на него, а за секунду до выстрела резко сбросил тягу до нуля и вывернул маневровые двигатели на реверс.

Истребитель резко затормозил, почти зависнув в воздухе. Меня швырнуло на ремни, в ушах зашумело от прилившей к голове крови, но фиолетовый луч смерти прошёл на десять метров выше моего фонаря.

А враг пронёсся мимо. Слишком быстро, чтобы успеть изменить траекторию.

Я снова дал полный газ, пристраиваясь ему точно в хвост. Его бортовые системы наверняка сейчас сходили с ума — ни один пилот Империи не мог совершить такой тупой, самоубийственный манёвр.

Мои пушки не имели автонаведения — я его отключил. На экране горел только простой, статичный крестик прицела. Как в старых играх.

Чёрный силуэт дёрнулся влево, пытаясь уйти из-под удара, но я уже вёл его рукоятью управления, предугадывая движение. Палец лёг на гашетку.

Очередь из спаренных плазменных пушек прошила его правое крыло. Вспышка. Чёрный перехватчик задымил, закрутился волчком и рухнул вниз, врезавшись в пустырь за пределами космодрома.

— Есть первый, сука! — заорал я в пустую кабину.

Но радоваться было некогда. Двое оставшихся уже разворачивались, заходя мне с флангов. И где-то высоко в небе, сквозь дым пожаров, проступали огромные, заслоняющие звёзды тени материнских кораблей.

Глава 2. Железный конвой

Два чёрных перехватчика заходили на меня с флангов, как голодные волки на загнанного оленя.

Их бортовые компьютеры уже переварили мою выходку. Больше они не пойдут в тупую лобовую атаку — они будут брать меня в клещи, зажимая в перекрёстный огонь.

Я резко увёл «Стриж» влево и одновременно бросил машину в крутое пике, падая прямо в густой, жирный дым горящих ангаров космодрома. Радар захлебнулся помехами, тепловая картинка пошла рябью, но оптические камеры ещё работали. Сквозь разрывы в дыму я различал крыши, башни и огни пожаров. Мне хватит. У меня ещё было чувство трассы.

Снизу, сквозь багровые сполохи пламени, мелькнули бетонные перекрытия полуразрушенного терминала. В наушниках прорвался хриплый, прерывающийся голос на аварийной частоте:

— ...всем уцелевшим! Сбор у четвёртого шлюза! Повторяю, четвёртый шлюз! У нас старый грузовой «Мамонт», мы сможем поднять человек сорок, но ангарные ворота заклинило! Нам нужно прикрытие сверху, эти твари жгут всё, что шевелится!

Я узнал этот голос. Маркус Кроу. Живой, старый чёрт!

— Это Вейн! — рявкнул я в микрофон, закладывая такой крутой вираж между двумя дымящимися башнями радаров, что крыло «Стрижа» едва не чиркнуло по бетону. — Я рядом! Дайте мне тридцать секунд, расчищу небо!

— Вейн?! — в голосе инструктора прорезалось искреннее изумление. — Ты ещё не сдох, щенок?! Давай быстрее, у нас тут девчонка-механик из твоей группы, Лира, пытается вскрыть привод ворот вручную, а эти ублюдки уже заходят на боевой курс!

Лира. Рыжая дура не побежала в убежище, а полезла чинить ворота под огнём.

Я стиснул зубы. В прошлой жизни я привык отвечать только за себя. На трассе каждый сам за себя: если соперник вылетел в гравий, ты просто жмёшь на газ и едешь дальше. Но здесь, в этом горящем аду, бросить тех двоих, кто помог мне поднять эту посудину в воздух, казалось совсем уж гнилым поступком.

Я вынырнул из дымовой завесы прямо перед четвёртым шлюзом.

Картина была паршивая. Бетонная крыша грузового ангара ещё держалась, зато огромные створки ворот разошлись всего на пару метров — слишком узко для пузатого транспортника «Мамонт», чьи двигатели уже ревели внутри, поднимая тучи пыли.

У самого края проёма, прикрываясь куском покорёженной обшивки, копошилась маленькая фигурка в перепачканном комбинезоне. А рядом с ней стоял однорукий Кроу, стреляя из своего древнего револьвера по двум шестиногим десантным ботам, ползущим к воротам.

Выглядело это абсолютно безумно — палить из пукалки по бронированным машинам, но в этом было столько ярости, что я невольно ухмыльнулся.

Потеряв меня в дыму, оба перехватчика переключились на шлюз.

И теперь уже пикировали прямо на него.

У меня не было ракет. У «Стрижа» в учебной комплектации стояли только спаренные плазменные пушки с ограниченным боезапасом. Зато у меня была скорость. И полное отсутствие инстинкта самосохранения, когда загорается зелёный свет.

Я врубил форсаж и пошёл наперерез.

Ведущий киборг заметил меня за долю секунды до того, как я открыл огонь. Он дёрнулся в сторону, уходя от очереди, но я стрелял не в него — я бил с упреждением, туда, куда он должен был сместиться, исходя из инерции его машины.

Два сгустка раскалённой плазмы врезались ему точно в стык левого крыла и фюзеляжа.

Броня выдержала, но маневровый двигатель разнесло в хлам. Перехватчик потерял управление, закрутился вокруг своей оси и врезался в крышу соседнего склада, обрушив бетонные плиты.

— Второй пошёл! — выдохнул я, чувствуя, как пот заливает глаза.

Но второй враг оказался хитрее. Он не полез под мои пушки. Резко задрал нос вверх, уходя в свечу, а потом перевернулся через крыло и повис у меня строго на шести часах. В мёртвой зоне моих пушек.

На голоэкране замигал красный индикатор угрозы. Противник взял меня на прицел. Тот самый противный, монотонный писк, после которого обычно следует вспышка и темнота.

Руки сами рванули рукояти. Никаких плавных дуг — я сбросил тягу и резко включил боковые маневровые двигатели.

«Стриж» сорвался в плоский штопор. Для любого пилота Империи это был конец манёвра: бортовой компьютер немедленно перехватил бы управление, пытаясь стабилизировать машину. Но мой искин был отключён от управления.

Истребитель закрутило как волчок. Меня вдавило в левый борт так, что рёбра обожгло болью, перед глазами поплыли чёрные круги, но фиолетовый луч смерти прошил воздух ровно в том месте, где я был секунду назад.

Я поймал машину на втором витке, выровнял нос и увидел, что киборг проскочил вперёд, пытаясь снова набрать высоту. Он подставил брюхо.

Палец лёг на гашетку. Длинная, злая очередь в упор.

Плазма прожгла тонкую обшивку в районе реактора. Чёрный перехватчик дёрнулся, из него вырвался сноп синих искр, и через мгновение он разлетелся на куски прямо в воздухе, осыпав космодром дождём из горящего металла.

— Небо чистое! — проорал я в микрофон, с трудом переводя дыхание. — Кроу, мать вашу, открывайте эту консервную банку!

Внизу заскрежетал металл. Тяжёлые створки шлюза дёрнулись и медленно поползли в стороны. Лира отскочила от щитка управления и пулей нырнула внутрь ангара, а за ней, продолжая отстреливаться от десантных ботов, отступил инструктор.

Через десять секунд из распахнутых ворот, ревя всеми четырьмя маршевыми двигателями, тяжело выполз огромный, неуклюжий «Мамонт». Весь в царапинах, с облупившейся краской, похожий на беременного бегемота.

— Вейн, — зашипел в наушниках голос Кроу. — На орбите мясорубка. Наш флот разбит в пух и прах. Единственный шанс — уйти в гиперпрыжок через точку Лагранжа, но у «Мамонта» нет боевого щита. Проведёшь нас через астероидное кольцо, пока нас не заметили?

Я посмотрел наверх. Там, сквозь рваные облака дыма, уже опускались тяжёлые десантные баржи киборгов. Они несли смерть всему, что ещё дышало на этой планете.

— Держитесь за мной, дед, — сказал я, занимая место впереди тяжёлого транспортника. — И передай рыжей, пусть молится своим богам. Трасса будет жёсткой.

Мы рванули вверх, навстречу чёрной пустоте космоса, где нас ждали тысячи бездушных машин, которые ещё не знали, что такое настоящий гонщик на последнем круге.

Глава 3. Слепая зона

Космос на орбите Земли напоминал гигантскую свалку, подожжённую с четырёх сторон.

Там, где ещё час назад висели величественные орбитальные верфи и тяжёлые крейсеры Империи, теперь медленно дрейфовали разорванные пополам корпуса. В тишине вакуума беззвучно вспыхивали остатки топливных баков, озаряя чёрную пустоту мертвенно-синим светом.

— Сенсоры зашкаливают, Вейн, — голос Кроу в наушниках звучал глухо, сквозь треск помех. — Слишком много обломков и помех. Мы слепы, как кроты. Веди нас по визуальному контакту.

— Принято. — Я сжал рукояти управления так, что заныли пальцы. — Держитесь в пятидесяти метрах за моим кормовым огнём. Шаг влево, шаг вправо — вас размажет о первый же булыжник.

Перед нами тянулся пояс орбитального мусора и ледяных глыб — остатки старого шахтёрского полигона. Идеальное укрытие для тех, у кого нет щитов, и верная смерть для тех, кто привык полагаться на автопилот.

Я вёл «Стриж» на пределе. Никаких плавных дуг. Короткий импульс маневровых, резкий бросок влево, проход впритирку к вращающемуся обломку обшивки линкора. За моей спиной, тяжело ворочаясь, словно неповоротливый кит, полз «Мамонт».

— Вейн, я сейчас поседею! — прорвался в эфир звонкий, напряжённый голос Лиры. Она сидела на месте второго пилота в транспортнике. — Ты нас чуть об эту балку не распорол! У «Мамонта» ширина корпуса тридцать метров, а не десять!

— Не ной, рыжая, прошли же! — огрызнулся я, уводя истребитель из-под летящего навстречу куска оплавленного титана. — Готовьте гипердвигатель. До точки прыжка осталось меньше двух минут.

— Реактор на семьдесят процентов! — отозвался Кроу. — Ещё сорок секунд, и мы сможем уйти в подпространство!

Сорок секунд. В обычной жизни это время, за которое можно едва успеть заварить чай. Здесь каждая секунда тянулась, как резиновая.

Мы вынырнули из облака обломков. Впереди открылось чистое пространство — та самая точка Лагранжа, откуда можно было безопасно уйти в прыжок.

И ровно в центре этой точки висел он.

Разведывательный корвет киборгов.

Он был похож на чёрного, хищного скорпиона длиной метров в двести. Угловатая броня поглощала свет далёких звёзд, а вдоль всего корпуса пульсировали багровые прожилки энергетических магистралей. Его носовые орудия уже разворачивались в нашу сторону.

— Твою мать... — выдохнул Кроу. — Нам конец. «Мамонт» не успеет развернуться, а гипердвигатель ещё не заряжен. Вейн, уходи! Ты на истребителе, у тебя есть шанс проскочить! Это приказ!

Я посмотрел на показатели своего реактора. Топлива осталось процентов на двадцать. Боезапас плазменных пушек почти на нуле — максимум на пару коротких очередей. Пробить броню корвета из таких пукалок — всё равно что кидаться горохом в танк.

Но у корвета была одна особенность.

— Сколько до полной зарядки прыжкового контура? — спросил я, стараясь не повышать голос.

— Двадцать пять секунд! Вейн, не вздумай...

— Закрой пасть, дед. Прыгайте, как только загорится зелёный.

Я не стал уходить в сторону. Вместо этого я двинул сектор тяги до упора, врубая форсаж на остатках топлива, и направил «Стриж» прямо в лоб чёрному чудовищу.

Бортовые системы корвета отреагировали мгновенно. С его флангов сорвались десятки багровых плазменных сгустков. Пространство передо мной превратилось в кипящий котёл.

Я не пытался уклоняться по широкой дуге. Вместо этого начал крутить короткую «бочку», одновременно давая резкие импульсы маневровыми двигателями, чтобы постоянно смещать машину с линии огня. Для вражеских алгоритмов наведения это выглядело как хаотичный сбой. Снаряды проносились в метре от фонаря кабины, обдавая обшивку жаром, но ни один не зацепил корпус.

Дистанция сокращалась стремительно. Пять километров. Три. Один.

Корвет понял, что я не собираюсь сворачивать, и перевёл огонь всех башен на меня, полностью забыв о медлительном транспортнике за моей спиной.

— Осталось десять секунд! — заорала Лира в наушниках. — Вейн, отворачивай, мать твою! Ты же врежешься!

Пятьсот метров.

Я видел каждую заклёпку на чёрной броне. Видел, как в носовой части корвета разгорается ослепительно-фиолетовый зрачок главного калибра. Ещё секунда, и от меня не останется даже пепла.

В последнюю долю секунды я дёрнул рукоять на себя до упора и дал полный импульс нижними маневровыми двигателями.

«Стриж» взмыл свечой вверх, пройдя буквально в двух метрах над самой рубкой корвета. Струя нижних маневровых двигателей ударила прямо по его главному сенсорному узлу, выжигая оптику и датчики наведения.

Следом я сбросил тягу, развернул машину на маневровых и всадил остатки плазменного заряда прямо в открытую шахту охлаждения реактора на спине корвета.

Взрыва не было. Багровые прожилки на броне мигнули и потускнели. Огромную машину повело вбок, и она начала медленно заваливаться на бок. Сенсоры погасли, но в носовой части всё ещё тлел фиолетовый огонь главного калибра.

— Готово! Контур заряжен! — раздался крик Кроу. — Вейн, заходи в кильватер, мы открываем окно прыжка!

Я развернул «Стриж», выжимая из двигателя всё, что ещё оставалось. Перед носом «Мамонта» пространство начало сворачиваться в синюю, переливающуюся воронку гиперперехода.

И в этот момент ослепший корвет выстрелил наугад.

Из его главного калибра ударил фиолетовый луч. Он прошёл мимо транспортника, но зацепил самый край моего левого крыла.

Кабину тряхнуло так, словно по ней ударили кувалдой. Приборная панель взорвалась снопом искр, экран погас, а в наушниках завыла сирена разгерметизации. «Стриж» закрутило, швыряя прямо в край закрывающейся воронки гиперпрыжка.

Последнее, что я успел сделать, прежде чем перегрузка вдавила меня в кресло до потери сознания, — дёрнуть рычаг аварийного сброса капсулы.

Тьма гиперпространства поглотила нас обоих.

Глава 4. Зелёный ад

Из темноты меня выдернул звук, похожий на скрежет консервного ножа по жести.

Глаза открылись сами собой, но перед ними стояла мутная, багровая пелена. Голова раскалывалась так, словно внутри застрял работающий отбойный молоток. Я попытался вдохнуть, и лёгкие обожгло едким дымом горелой проводки.

Спасательная капсула лежала на боку. Бронестекло фонаря покрылось густой паутиной трещин, сквозь которые пробивался тусклый, зеленоватый свет. Снаружи слышался странный, непрерывный гул — не рёв турбин и не вой сирен, а шелест миллионов листьев и пронзительные крики каких-то незнакомых тварей.

— Вот же дерьмо... — прохрипел я, нащупывая замок ремней.

Пальцы слушались плохо, левое плечо ныло тупой, тягучей болью — видимо, вывихнул или сильно ушиб при ударе. Замок щёлкнул. Я буквально вывалился на боковую стенку капсулы, ударившись коленом о приборную панель.

Аварийный экран моргал, но ещё работал. Я ткнул пальцем в сенсор, вызывая журнал последней телеметрии.

«Выход из гиперпространства: неуправляемый. Координаты: сектор не определён. Последний сигнал транспортного судна "Мамонт": вход в атмосферу зафиксирован. Предполагаемая зона падения: двести сорок километров на северо-восток».

Двести сорок километров. Для истребителя — две минуты лёту. Для человека без транспорта в диких джунглях — минимум неделя смертельного марш-броска. Если, конечно, не сожрут в первый же час.

Я дёрнул рычаг ручного сброса люка. Пиропатроны не сработали — видимо, перебило проводку. Пришлось упереться ногами в спинку кресла и со всей дури бить здоровым плечом в заклинившую крышку. На четвёртый раз металл противно взвизгнул, петли поддались, и люк с грохотом отвалился наружу.

В лицо ударила волна влажного, тяжёлого зноя. Воздух был настолько густым, что его, казалось, можно было жевать. Пахло прелой листвой, болотной тиной и какими-то сладковатыми, дурманящими цветами.

Я выбрался наружу и огляделся.

Капсула вспахала длинную, метров в пятьдесят, борозду в мягкой, чёрной земле, повалив несколько деревьев с толстыми, узловатыми стволами. Вокруг стеной стоял непроходимый лес. Кроны деревьев смыкались где-то высоко вверху, почти полностью закрывая небо, отчего внизу царил вечный зелёный полумрак.

Первым делом — ревизия. Я полез обратно в капсулу и вытащил аварийный ранец. Внутри обнаружился стандартный набор выживания курсанта Имперского флота: фляга с фильтром, пара упаковок концентрированных пайков, химический фонарь, компактный плазменный резак, аптечка и лёгкий игольник с двумя запасными магазинами.

Оружие так себе. Против бронированного киборга — как зубочистка против танка, но местной фауне должно хватить.

Я сунул игольник в набедренную кобуру, пристегнул резак к поясу, закинул ранец на плечо и посмотрел на компас, встроенный в наручный планшет. Северо-восток. Где-то там упал «Мамонт». Если Кроу и Лира выжили, они будут держаться возле обломков корабля — там и связь можно попробовать наладить, и запасы еды есть, и защита от зверья.

Я сделал первый шаг в густые заросли папоротника.

Идти было тяжело. Ноги вязли в мокрой, пружинящей почве, лианы цеплялись за комбинезон, а мелкая мошкара мгновенно облепила лицо и руки, лезя в глаза и рот. Через час я уже взмок насквозь, а каждый вдох давался с трудом из-за дикой влажности.

Внезапно лес замолчал.

Исчезли крики птиц, затих стрёкот насекомых. Стало тихо, как в склепе.

Я замер, медленно опуская руку на рукоять игольника. Инстинкт кричал, что за мной наблюдают.

Слева, в густых зарослях гигантского лопуха, шевельнулась тень. Сначала я подумал, что это просто ветка качнулась от ветра, но потом увидел глаза. Шесть штук. Они светились тусклым жёлтым светом, расположенные полукругом на широкой, приплюснутой морде.

Тварь вышла на поляну бесшумно. Она напоминала помесь гигантского варана и пантеры — длинное, мускулистое тело, покрытое тёмной, блестящей чешуёй, и шесть коротких, кривых лап с длинными когтями. Из пасти капала густая, тягучая слюна, от которой жухла и чернела трава.

Я не стал дёргаться. Резкое движение — и эта туша прыгнет быстрее, чем я успею вытащить ствол.

Тварь припала к земле, готовясь к броску. Мышцы на её спине напряглись, хвост нервно дёрнулся.

Она прыгнула.

В ту же долю секунды я упал на одно колено, выхватывая игольник, и дважды нажал на спуск.

Два коротких щелчка. Стальные иглы, разогнанные магнитным полем до сверхзвуковой скорости, вошли в голову зверя, между верхними глазами.

Тварь даже не успела взвизгнуть. Её туша по инерции пролетела пару метров по воздуху и тяжело рухнула в грязь в метре от моих сапог, дёрнувшись пару раз в предсмертной судороге.

Я медленно выдохнул, убирая оружие обратно в кобуру. Сердце колотилось как бешеное, но руки не дрожали.

— Первый пошёл, — пробормотал я, обходя тушу стороной. — Надеюсь, вас тут не целая стая.

Но лес больше не молчал. Впереди, сквозь плотную стену деревьев, я вдруг увидел тонкую струйку чёрного дыма, поднимающуюся к самому небу. Но это был не дым от горящего пластика или топлива «Мамонта». Пахло горелым деревом и жареным мясом.

Кто-то развёл костёр. Причём совсем рядом.

Я свернул с прямого курса и, стараясь не наступать на сухие ветки, двинулся на запах дыма. Через десять минут заросли расступились, открывая небольшой овраг, на дне которого протекал мутный ручей.

На берегу сидели трое.

Люди. Настоящие люди, но выглядели они так, словно сбежали со съёмок исторического фильма про древний мир. На них были грубые, сшитые из невыделанных шкур безрукавки, кожаные штаны, перевязанные бечёвкой, а на поясах висели короткие мечи из тусклого, зеленоватого металла. Бронза. Самая настоящая бронза.

Двое из них о чём-то оживлённо спорили, размахивая руками и тыча пальцами в сторону леса, а третий — здоровый детина с густой чёрной бородой и шрамом через всю щёку — невозмутимо переворачивал на вертеле кусок какого-то мяса.

Я прижался спиной к стволу дерева, прислушиваясь. Говорили они на странном, искажённом диалекте, в котором с трудом, но всё же угадывались обрывки древнего имперского языка.

— ...говорю тебе, Гарр, это не гром был! — горячился тот, что помоложе, с длинными спутанными волосами, перехваченными кожаным ремешком. — Огненная звезда упала прямо в Чёрную Топь! Старейшина велел проверить. Если там железо небесное, клан Железного Клыка нас в порошок сотрёт, если мы первыми не заберём!

— Заткнись, Ветер, — пробасил бородач, не отрываясь от вертела. — В Чёрную Топь даже звери не суются. Там болотные твари сожрут тебя раньше, чем ты свой ножик вытащить успеешь. Пожрём и пойдём по краю. Если кто и упал, сам выползет. А нет — значит, боги забрали.

Небесное железо. Упало в Чёрную Топь.

Они говорили о моей капсуле. Или о «Мамонте».

Я посмотрел на свой комбинезон — грязный, порванный, с эмблемой Имперской академии на груди. Если я выйду к ним вот так, в лучшем случае меня примут за демона и попытаются прирезать на месте, в худшем — свяжут и потащат к своему старейшине как диковинную зверушку.

Но у них есть карта местности. Они знают, где здесь вода, где болота и как пройти на северо-восток, не угодив в пасть местным хищникам.

Я отстегнул от пояса плазменный резак, проверил заряд — восемьдесят процентов — и снова закрепил его на ремне. Затем тихо шагнул из-за дерева, выходя прямо на открытый берег ручья.

— Вечер добрый, мужики, — сказал я громко, стараясь говорить медленно и чётко, чтобы они разобрали слова. — Мясом не поделитесь? А то с утра крошки во рту не было.

Троица замерла, словно громом поражённая. Молодой выронил палку, которой ковырял угли, а бородач мгновенно выхватил из ножен свой бронзовый тесак, вскакивая на ноги с неожиданной для его комплекции прытью.

— Стой на месте, чужак! — прорычал он, выставляя меч перед собой. Его глаза настороженно бегали по моему комбинезону и бледному лицу. — Кто таков? Из какого клана?

— Я не из клана. — Я спокойно поднял руки, показывая, что в них нет меча, но держа правую ладонь в паре сантиметров от рукояти игольника. — Я с неба упал. И мне нужно на северо-восток. Туда, где упала большая железная птица.

Молодой осенил себя странным, размашистым знаком и прошептал:

— Я же говорил, Гарр... Посланник богов...

Бородач же только прищурился и сплюнул в костёр.

— Посланник, говоришь? А по мне так ты просто дохлый заморыш в странной шкуре. И если ты сейчас не объяснишь, почему я не должен вспороть тебе брюхо, твои боги очень скоро увидят тебя снова.

Кажется, переговоры предстояли непростые.

Глава 5. Небесное железо

Бородач сжимал рукоять своего бронзового тесака так, что побелели костяшки, но вперёд не лез. Умный мужик. Он уже прикинул в голове, что человек, который без страха выходит из диких джунглей в одиночку, явно держит за пазухой какой-то сюрприз.

Я не стал тянуться к игольнику. Вместо этого медленно опустил руки, повернулся боком и отстегнул от пояса компактный плазменный резак.

— Видишь эту штуку? — спросил я спокойно, крутя цилиндр в пальцах. — Это не оружие. Но если я направлю её тебе в грудь, от тебя останется только кучка пепла.

Молодой — тот, которого звали Ветер — снова дёрнулся, хватаясь за свой оберег на шее, а третий воин, молчаливый крепыш с перебитым носом, нервно сглотнул и покосился на командира. Бородач Гарр только прищурился сильнее.

— Много слов, чужак, — проворчал он, не опуская меч. — Языком трепать каждый горазд. Покажи, на что твоя палка способна.

Я кивнул на валявшееся у самой воды толстое, потемневшее от влаги бревно.

— Смотри внимательно.

Я нажал кнопку активации. Резак тихо загудел, и из его сопла вырвался короткий, ослепительно-синий язычок плазмы. Я провёл им по бревну, словно ножом по тёплому маслу.

Дерево зашипело, от среза повалил едкий дым. Ещё несколько секунд — и бревно распалось на две части. Края среза почернели и продолжали тлеть.

В овраге повисла мёртвая тишина. Даже птицы в кронах деревьев, казалось, заткнулись от удивления. Крепыш с перебитым носом выронил свой бронзовый клинок прямо в грязь и попятился назад, чуть не свалившись в ручей. Ветер открыл рот, глядя на обугленный срез так, словно увидел самого верховного бога во плоти.

Гарр замер. Его рука с мечом медленно опустилась. Он перевёл взгляд с бревна на меня, и в его глазах вместо злости появился холодный, цепкий расчёт.

— Небесный огонь... — тихо пробормотал бородач, убирая тесак в ножны. — Старейшина не врал. Звёзды действительно падают на землю.

Я выключил резак и пристегнул его обратно к поясу.

— Мне не нужна война с вашим племенем, Гарр, — сказал я, делая шаг ближе к костру и присаживаясь на поваленный ствол, но так, чтобы видеть всех троих. — Мне нужно добраться до большой железной птицы, которая упала далеко на северо-востоке. Там мои люди.

— На северо-востоке? — Гарр нахмурился и почесал густую бороду. — Это за Мёртвыми Холмами. Дней десять пути, если идти по звериным тропам, и вдвое больше, если через болота. Там земли клана Железного Клыка. Они не любят чужаков. Даже своих не всегда жалуют.

— Мне плевать, кого они любят, — отрезал я. — Мне нужны проводники, еда и вода. Взамен я дам вам то, за что ваш старейшина отдаст полдеревни.

Бородач усмехнулся, присаживаясь на корточки напротив меня.

— И что же у тебя есть, заморыш? Твоя огненная палка?

— Нет. Её я оставлю себе. Но там, откуда я пришёл — в паре часов ходьбы отсюда, — лежит моя железная капсула. В ней есть металл, который куда крепче вашей бронзы. Он не ржавеет, а ваши мечи его даже не поцарапают. А ещё там есть прочные стропы и крепёж, каких вы здесь в жизни не видели.

Глаза Гарра вспыхнули жадным огнём. В мире, где главным оружием была мягкая, быстро тупящаяся бронза, кусок легированной титановой обшивки стоил дороже любого золота. С таким металлом можно было получить огромное преимущество перед соседними племенами.

— Ты не врёшь, чужак? — тихо спросил он, подаваясь вперёд.

— Пойдём со мной, сам проверишь. — Я пожал плечами. — Отрежу вам пару кусков обшивки прямо при вас. Но уговор такой: я даю вам металл сейчас, а вы ведёте меня к большой птице. Попробуете кинуть или ударить в спину — сожгу дотла. По рукам?

Гарр посмотрел на своих людей. Ветер активно закивал, а крепыш с перебитым носом только молча поднял свой меч и сунул его в ножны, всем видом показывая, что спорить с владельцем «небесного огня» он точно не намерен.

Бородач протянул мне широкую, мозолистую ладонь, покрытую старыми шрамами.

— По рукам, небесный человек. Я — Гарр, старший охотник племени Речного Камня. Эти двое — Ветер и Молот. Пожрём мяса, наберём воды, и веди нас к своей звезде. Если металл действительно такой, как ты говоришь, я лично проведу тебя хоть в логово самого дьявола.

Обратный путь к моей капсуле занял меньше часа. Гарр знал джунгли как свои пять пальцев: он безошибочно обходил ядовитые колючки, перепрыгивал через скрытые под слоем листьев трясины и двигался почти бесшумно, несмотря на свою медвежью комплекцию.

Когда мы вышли на просеку, пропаханную моей капсулой при падении, охотники снова застыли как вкопанные.

Обугленный, покорёженный металл, дымящаяся земля и поваленные вековые деревья произвели на них впечатление куда сильнее, чем фокусы с резаком. Ветер сразу плюхнулся на колени, начиная бормотать какую-то молитву, а Молот осторожно подошёл к капсуле и ткнул её пальцем, словно боялся, что она укусит.

— Горячая ещё, — пробасил он с благоговением.

— Не трогай обшивку голыми руками, обожжёшься, — предупредил я, доставая резак.

Я залез внутрь, вытащил из крепления запасной парашютный контейнер — сверхпрочный синтетический шёлк и кевларовые стропы в этом мире пригодятся для чего угодно — и принялся за работу.

С помощью плазменного резака я за десять минут вырезал из внутренней рамы капсулы четыре длинные, узкие полосы закалённой нержавеющей стали и титанового сплава. Идеальные заготовки для клинков или наконечников копий. Когда металл остыл в мокрой траве, я сложил полосы вместе. Раздался чистый, высокий звон, от которого у Гарра буквально затряслись руки.

Он схватил одну из стальных полос, выхватил свой бронзовый тесак и со всей дури ударил им по моему металлу.

Раздался сухой щелчок. На бронзовом лезвии осталась глубокая зазубрина, а на стальной полосе — едва заметная отметина.

Гарр выдохнул так, словно пробежал десять километров без остановки. Он бережно, почти с нежностью завернул полосы в кусок моей парашютной ткани и закинул свёрток за спину.

— Клянусь костями предков, чужак... С таким железом мы теперь хозяева этих лесов. — Он повернулся ко мне, и в его голосе впервые зазвучало искреннее уважение. — Как звать-то тебя, небесный?

— Макс, — ответил я, закидывая ранец на здоровое плечо. По привычке назвал своё настоящее имя, не задумываясь. Имя слабака Кайлена Вейна осталось там, в горящей академии. — Зовите меня Макс.

— Хорошее имя. Короткое, как удар топора, — кивнул Гарр. — Слушай сюда, Макс. До Мёртвых Холмов путь неблизкий. Ночью в лес выходить нельзя — выползают ночные твари, от них даже твой огонь не спасёт, их слишком много. Сейчас идём в нашу деревню. Она в двух часах хода отсюда. Там поешь нормально, отдохнёшь, покажешь железо старейшине, а на рассвете выступим на северо-восток. Идёт?

Я прикинул расклад. В одиночку или даже вчетвером лезть в ночные джунгли без нормального снаряжения и знания местности — верное самоубийство. А в деревне можно и припасов набрать, и разузнать, что вообще творится на этой чёртовой планете.

— Идёт, — согласился я. — Веди, Гарр.

Мы двинулись на запад. Я шёл в центре отряда, держа руку поближе к игольнику. Пока что всё складывалось неплохо: у меня появились проводники, которые готовы перегрызть глотку любому за кусок авиационного титана.

Но расслабляться было рано. В этом мире слишком много тех, кто привык брать чужое силой. И судя по тому, как настороженно Гарр то и дело поглядывал на север, встреча с местными «хозяевами» не заставит себя ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.